
РЕЦЕНЗИИ

**Е.А. ОГЛЕЗНЕВА. РУССКИЙ ЯЗЫК В ВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ В ХАРБИНЕ)**

БЛАГОВЕЩЕНСК, 2009. 352 с.

Функционирование русского языка в иноязычном окружении достаточно хорошо изучено применительно к европейскому и американскому ареалу (см. работы Е.А. Земской, Н.И. Голубевой-Монаткиной, М.Я. Гловинской, Е.В. Красильниковой, М.А. Осиповой и др. о языке русской эмиграции), но каковы свойства русского национального языка, испытывающего иноязычное влияние в восточном регионе, известно гораздо меньше. Книга Е.А. Оглезневой в известной мере восполняет этот пробел.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического раздела и приложений под названием “Харбинские рассказы”, где собраны записи речи представителей старшего поколения жителей Харбина.

Во введении автор характеризует научный контекст, в который вписывается ее работа, формулирует цель и задачи своего исследования, подробно обосновывает его актуальность, описывает методу работы и языковой материал.

Глава 1 “Русский язык в восточном зарубежье: социолингвистический аспект” состоит из шести разделов и посвящена характеристике восточного ареала существования русского национального языка. Здесь рассматриваются такие вопросы, как соотношение западной и восточной ветвей русской эмиграции XX века (дается их сравнительная характеристика), волны эмиграции и социальный состав эмигрантов, а основное внимание уделяется описанию условий функционирования русского языка в многоязычном Харбине как одном из центров восточной русской эмиграции. На основании большого фактического материала – исторических данных, сведений этнографического и социологического характера, наблюдений автора над формами существования русского языка в Харбине – делается следующий вывод: “Общими чертами всех трех переселенческих волн на Восток, в Китай, отличающими русскую восточную эмиграцию от западной, являются *обретение русского дома на чужбине и наличие естественной живой языковой среды* во всем многообразии речевых форм, обеспеченное пестрым социальным составом осевших в восточном зарубежье русских” (с. 76).

В главе 2 “Русский язык в восточном зарубежье в начале и середине XX в. (на материале русской периодической печати в Харбине)” автор избирает в качестве объекта исследования русскую периодическую печать Харбина и на основе анализа ее языка показывает своеобразие форм функционирования русского языка в этой сфере коммуникации.

Глава 3 “Русский язык в восточном зарубежье в конце XX в. (на материале записей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине)” содержит описание свойств русской речи жителей Харбина, выполненное в форме речевых портретов харбинцев старшего поколения. Библиография включает все основные работы, прямо или косвенно связанные с темой и проблематикой данного исследования.

Особую ценность представляют собой записи речи харбинцев, обследованных автором книги; записи сделаны вполне профессионально, с максимальным сохранением языковых особенностей, присущих каждому из информантов.

В целом монография Е.А. Оглезневой представляет собой социолингвистическое исследование, содержащее результаты, важные в теоретическом и практическом отношении и вносящие определенный вклад в изучение русского языка в инонациональном и иноязычном окружении. В данной работе впервые введен в научный оборот новый языковой материал, характеризующий функционирование русского языка в восточном ареале его существования.

В работе обстоятельно обосновано существование особой формы русского национального языка в восточном ареале его распространения. Для этого автор не только использовал результаты предшествующих исследований, но и привлек к анализу обширный материал, позволяющий сравнивать данный, восточный вариант русского языка с формами его существования в странах Запада и Америки и делать выводы о специфике русского языка восточной ветви эмиграции. Анализ фактов, иллюстрирующих специфику функционирования русского языка в дальневосточном

регионе, вполне профессионален и лингвистически содержателен.

Автором учтена предшествующая литература, посвященная теоретическим проблемам, касающимся регионального варьирования национальных языков, в частности русского.

Достаточно подробно описаны политические, социальные, экономические и психологические причины формирования языка русской эмиграции на Востоке как особой формы существования русского национального языка (этому посвящены разделы 1.2–1.4 главы первой).

С исчерпывающей полнотой описана языковая ситуация, характерная для Харбина первой половины XX века (раздел 1.5 главы первой), и подробно проанализированы отношения “харбинского” русского языка с китайским и западноевропейскими языками (в частности, обращено внимание на разный статус лексических заимствований в русском языке восточной эмиграции и в русском языке метрополии).

Показана неодинаковая степень устойчивости разных сфер применения русского языка: см., в частности, наблюдения над религиозной сферой использования русского языка, в которой исконные черты русского языка оказались более устойчивы, чем в других сферах (глава 2 и раздел 2.2.2).

Постоянное сравнение “харбинского” русского языка с русским языком метрополии позволяет автору выявлять специфические черты русского языка в Харбине.

Наиболее ценным в научном отношении представляется содержание третьей главы, в которой впервые в русистике анализируется большой фактический материал, характеризующий **устную** речь русских харбинцев. Автор рассматривает разные типы владения языком у разных информантов (в частности, принимается в расчет влияние другого языка) – см. раздел 3.2.1.

Знакомство с лингвистически содержательным и интересным исследованием Е.А. Оглезневой вызывает и некоторые вопросы и замечания критического характера, которые необходимо высказать.

1. Можно ли говорить о “цельности, недискретности харбинского речевого континуума” (глава 1) – при том, что в основной части монографии автор справедливо пишет о вариативности и индивидуальных особенностях речи харбинцев?

2. Едва ли можно принять утверждение автора о том, что ею “**исследованы** (выделено нами. – Л.К. и Р.Р.) особенности орфоэпической нормы харбинцев”: как видно из содержания соответствующих разделов книги (см. раздел 3.3 главы 3), речь может идти лишь о **наблюдениях** автора над некоторыми особенностями произношения обследованных ею информантов.

3. В книге приводится много свидетельств из мемуарной литературы в пользу того, что харбинцы сохранили старый русский язык – тургеневский или петербургский, как сами они его называли. Однако всё это касается речи представителей высшего сословия; в Харбине же оказались не только дворяне, но и те носители русского языка, которые были простыми служащими КВЖД. Как позже утверждает Е.А. Оглезнева, речь **всех** харбинцев отличалась старомодной правильностью, так как все дети, независимо от их происхождения, учились русскому языку у очень хороших, владевших старыми нормами русской речи учителей.

В этот тезис очень трудно поверить, исходя из чисто практического опыта преподавания: самый лучший учитель не может научить **всех** детей, независимо от среды, в которой они воспитывались, нормам литературного языка в **равной** степени.

4. Автор не считает использование иностранных слов особенностью языка восточной эмиграции, мотивируя это тем, что и в речи жителей метрополии, и в речи западных эмигрантов заимствования (после 1945 г.) присутствовали в довольно большом количестве. Однако хорошо было бы подтвердить это статистическими данными, что позволило бы сравнить частотность заимствований в русском языке западной и восточной ветвей эмиграции; кроме того, доказательство, что в речи жителей метрополии также с избытком присутствуют заимствования, – это только цитата из работы С. и А. Волконских (многие исследователи-русисты, знакомые с этой работой, отмечают ее крайний субъективизм, который в особенности характеризует оценку авторами новейших – для начала XX века – иноязычных заимствований).
5. Ничем не мотивировано и утверждение, что акцентологические сдвиги в речи харбинцев не позволяют говорить о каких-либо ее осо-

бых, по сравнению с западной эмиграцией, чертах.

6. Описывая грамматические особенности речи одного из информантов – М.М. Мятлева и говоря о ее книжном характере, Е.А. Оглезнева отмечает заполненность в ней всех актантных позиций; в то же время фрагмент его речи, приведенный ею в доказательство этого утверждения, об этом не свидетельствует. Ср.: *Мы жили у / двоюродного брата // Он потеснился / и приютил / нас / шесть человек / и / и ещё с нами была / двоюродная сестра / и папина сестра // Значит восемь человек // Приняли нас / нес(коль)ко месяцев жили // А потом / э-э-э... уехали / в квартиру // А квартира у нас / состояла из одной комнаты // Вот там жили //*

Вот как выглядели бы эти высказывания с заполненными актантными позициями: *Значит нас было восемь человек* вм. *Значит восемь человек*; *Они приняли нас* вм. *Приняли нас*; *А потом / э-э-э... мы уехали / в квартиру* вм. *А потом / э-э-э... уехали / в квартиру*; *Вот там мы жили*. *Вот там* вм. *жили*.

7. Несколько более мелких замечаний: известный языковед Р.О. Шор была женщина, звали ее Розалия Осиповна, поэтому она *писала*, а не *писаЛ*, как значится на с. 10; *тонко-продуманный* и *чисто-рождественский* – это не сращения слов, как полагает автор (с. 148–149), а сочетания: дефис в этих словах – каприз русской орфографии в ее харбинском “изводе”; транскрипция глагола *везти* как *ве[з’т’]*и (раздел 3.3) ошибочна: по-русски произнести звонкий согласный перед глухим нельзя.

В заключение следует сказать, что книга Е.А. Оглезневой представляет собой значительный шаг на пути изучения русского языка зарубежья. Она содержит богатый и при этом впервые вводимый в научный оборот языковой материал, характеризующий функционирование русского языка в восточном ареале его распространения. Наблюдения автора над русской речью харбинцев выявляют определенные особенности этого территориального варианта русского языка, который отличается как сохранением ряда черт, утраченных в русском языке метрополии, так и определенными новшествами, возникшими под влиянием иноязычного окружения.

Л.П. Крысин, Р.И. Розина